

283
62

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКІЙ.

ПОДПОЛЬЕ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Достоевскій.
да Леонидъ Андреевъ.
Федоръ Сологубъ. /
Левъ Шестовъ.
Алексѣй Ремизовъ.
Михаилъ Пантюховъ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО И ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“.

1911.

I.

У Достоевскаго бывали мгновенья, когда вся душа уходила во внутрь и, обагрившись кровью и желчью, выливалась въ надрывающійся стонъ проклятья, или въ тихую, нѣжную музыку молитвы, или въ истерзанную мистерію садическаго оргіазма...

Такъ родилось произведеніе, которое можно назвать наиболѣе адекватнымъ выраженіемъ одной стороны его души, произведеніе, заключающее въ себѣ квинтэссенцію современности—„Записки изъ подполья“...

Книга, раскрывающая уму особую область духовныхъ терзаній, книга, запечатлѣнная въ вѣчности кровавою печатью безумнаго отчаянія, надорвавшася страданья, книга, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ дѣлающая строжайшій смотръ моральнымъ и религіознымъ цѣнностямъ!..

И когда читаешь ее, рвутся традиціонныя нити „литературнаго вниманія“, и когда думаешь о ней и переживаешь ее,—чувствуешь невыразимый восторгъ сліянія съ огромнымъ, нечеловѣческимъ страданіемъ души, страданіемъ такимъ взвинченнымъ, такимъ понятнымъ, такимъ *нашимъ*, и сквозь даль прошедшихъ лѣтъ, сквозь тяжелый туманъ времени снова приближается къ тебѣ это безумно больное, дорогое лицо со сжатыми плотно губами, втиснутое въ черную маску преступника, и что-то живое, дымящееся, словно

кусочек человеческого сердца, катится в душу и горит, горит...

И трепет радости!.. Вѣдь это не книга, вѣдь это не слова: здѣсь вылилась въ страшныхъ вопляхъ вся душа, здѣсь распиная и мучилъ, и насилывалъ душу разъяренный звѣрь—жизнь, здѣсь, въ желѣзныхъ объятіяхъ обмана она завывала дико и безнадежно, здѣсь боль—тупая, страшная, неизлечимая боль переросла весь міръ... *Подполье!*.. Сколько въ этомъ словѣ таится понятнаго, близкаго, современнаго!.. Чья душа не переживала муку подполья и радость его!.. Чья жизнь подъ тяжестью непосильнаго креста, подъ гнетомъ грызущаго, опьяняющаго надрыва не погружалась въ эти темные подвалы сѣрой тоски и нѣмой злобы, и безсвязныхъ, горячечныхъ проклятій?!

Подполье!.. Оно—въ насъ; оно вросло столько разъ въ нашу душу и сплутывало ее липкою паутиною кошмарнаго одиночества и палящаго, бесслезнаго рыданія! Случалось это тогда, когда среди мутной пошлости наше „я“ вдругъ переходило границы возможности, маленькой, земной возможности и неудержимо влеклось къ какому то безумному подвигу, къ какой то взлѣтъной, сказочно прекрасной странѣ, къ какому то нездѣшнему, сверхчеловѣческому чуду! И путь преграждала стѣна... Случалось это, когда, словно нѣжно-прозрачный цвѣтокъ, расцвѣтала среди жизни душа, и кто то тягучій, безжалостный медленно пилъ нашу кровь, наши мысли, наши блѣдныя силы, и мелькалы призраки, и свинцовая тѣнь безумія на фонѣ безжизненныхъ дней казалась спасением!.. Случалось это въ дни проклятыя, того проклятыя, что рождается, какъ окровавленная птица, и бьется, и рыдаетъ, и корчится, и разрываетъ, вылетая, сердце,—проклятыя міру и людямъ за то, что заморозили душу, за то, что погибла она въ самомъ расцвѣтѣ мольбы и надежды!..

И всегда, какъ спасительный якорь, является подполье... Оно собираетъ въ нѣдрахъ своихъ остатки бывшихъ надеждъ, блѣдныя звуки молитвъ и вдохновеній, усталыя силы возможныхъ побѣдъ, гениальныхъ прозрѣній...

Въ него сходитъ, какъ въ единственно возможный пріютъ, все отброшенное и замученное жизнью, все усталое и погибшее, все необычное и изломанное, все надорвавшееся и истерзанное, все святое и рафинированное... Здѣсь скрываются тихія души, обиженныя судьбою, слишкомъ ранніе пророки, безумцы, лелѣющіе въ мысляхъ какую нибудь очень смѣлую и очень необычную мечту, вѣчные странники и неудовлетворенные искатели истины, для которыхъ уже погасло солнце и чернымъ, зловѣщимъ пламенемъ вспыхнула родная и понятная тьма.

Это кладбище стараго міра, міра подгниващаго и валящагося, но который будетъ стоять еще много вѣковъ, и мертвецы живые, и въ глухую полночь, когда потухаетъ надѣвшее солнце и спятъ ненавистные люди, они поднимаются въ своихъ кельяхъ и свершаютъ свое таинство, мрачное и жестокое, таинство жуткой, тупой боли и кровавыхъ слезъ, и проклятій!

Они выворачиваютъ наизнанку свою замученную душу, они раздраютъ ее, разрываютъ на куски, чешутъ ее гноящими струями, и въ дикой пляскѣ безумія, въ вихрѣ изступленныхъ рыданій, въ надрывѣ пьянаго бреда, вырастаютъ и горятъ большимъ пламенемъ непонятная, лихорадочная радость!..

Мы знаемъ, какъ тонка, какъ сложна и обидчива была душа Достоевскаго. Мы знаемъ, что ни одна обида, ни одно рѣзкое и колкое слово не пропадало въ его памяти, и всегда кончалась обида мезью, робкой, блѣдной, хаотичной мезью, какъ будто извиняющейся, какъ будто непохожей на мезью. Вспомните исторію съ Бѣлинскимъ, которую Достоевскій не

забыл до самой смерти, вспомните глухую, неизлечимую, ехидную ненависть къ Тургеневу и, наконец, инцидентъ съ офицеромъ въ „Запискахъ изъ подполья“.

Какъ несчастная, забитая мышь, погрузилась душа въ подполье, и все припоминала, все, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, съ наслаждёнiемъ, съ болью вспоминала, и мучилась, и наслаждалась этими воспоминанiями, и маленькая обида превратилась въ этой мимозной душѣ въ неизлечимую, вѣчно гноящуюся рану, во что то огромное, невыносимое, заслонившее собою весь мiръ и всю жизнь!

„Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, воюющемъ подпольѣ наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, — вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазiей“...

И вотъ въ этомъ то процессѣ самоуниженія вспыхнула впервые та яркая мысль, что впоследствии составитъ краеугольный камень творчества Достоевскаго, та мысль, изъ которой родилось все великое и удивительное въ его произведенiяхъ, мысль, свѣтящая мiру какъ спасительный факель. Онъ самъ подчеркиваетъ эту мысль. Онъ говоритъ: „Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полудотчянiи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребенiи самого себя заживо въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно созданной и все-таки — отчасти сомнительной безвыходности своего положенiя, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желанiй, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебанiй, принятыхъ навѣки рѣшенiй и черезъ минуту опять наступающихъ раскаянiй и заключается сокъ того страннаго наслажденiя, о которомъ я говорилъ. Оно до

того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанию, что чуть-чуть ограниченные люди съ крѣпкими нервами не поймутъ въ немъ ни единой черты“...

Радость подполья!.. Радость униженiя и самоубiйства надобѣвшей души, радость сладкаго терзанiя и надрывовъ нечеловѣческой боли, радость ежедневнаго, ежеминутнаго самораспинанiя во имя единой, испуляющей Тьмы!..

Да, не всякому понятна она! Только глубоко замученные и безнадежно усталые понимаютъ ее, только въ улыбкахъ эпилептического надрыва, въ страстномъ экстазѣ мученья, въ бреду слезъ и кроваваго иступленiя является она, и блѣдную тѣнь ложится на истлѣвающее отъ тоски лицо и приноситъ сквозя вихрь боли чуть внятный шепотъ утѣшенiя...

И какъ рассказать всю тайну и всю тяжкую красоту подполья? И хватить ли силъ открывать новую, еще не загаженную людскою пошлостью область спасительныхъ сновъ, обморочныхъ, тусклыхъ и больныхъ сновъ нашей жизни!?

Съ дѣтства мучилъ душу Достоевскаго хищный и жаркій звѣрь, называемый жизнь! Съ дѣтства запускалъ острые когти тяжелыхъ лапъ въ чистоту и святость нѣжную, выпивать кровь, наваливался по ночамъ на грудь и душилъ безпощадно...

Тяжелую атмосферу творило прозябанiе семьи бѣднаго лѣкаря въ сѣромъ затхломъ домѣ... Приходили и уходили ненужные дни, какъ призраки, въ низенькихъ комнатахъ духота спускалась, черныя змѣи сумерекъ тяжелѣли въ мозгу, и было темно, какъ въ гробу, и обѣдненный, тошный запахъ, и мерцанiе тусклыхъ, воюющихъ лампъ, и надтреснутая нужда гнали вонъ изъ этой повседневнои тюрьмы, и расплескивались бѣлыя крылья души на грязномъ полу и замирали въ безсилiи...

И были привычно обманчивы землястыя маски лицъ, и, изнемогая отъ ужаса, люди казались мертвецами, и когда

рвалась, умоляла, билась душа,—читали евангеліе и исторію Карамзина, и желчный голосъ отца размѣренно и строго говорилъ о послушаніи, о долгѣ... А потомъ казарменная жизнь въ инженерномъ училищѣ, и вѣчная голодовка, вѣчное издѣвательство казенщины и режима надъ дѣтской душой, и первыя замученныя, блѣдныя грезы, и первыя бессонныя ночи, проводимыя, быть можетъ, въ изступленномъ воплѣ объ истинѣ, и первые припадки эпилепсіи...

И надо всѣмъ этимъ—давящій ужасъ петербургскихъ сѣрыхъ, мокрыхъ, безнадежно тусклыхъ дней...

И, какъ крылья вампира, распятыя надъ этой жизнью,—зловѣще черная, пьяная мукой ночь—Россія...

„Бѣдные люди“... Откуда это? Развѣ это не первая мелодія тошной, но такой выстрадавшей, такой больной тоски, той тоски, что родилась въ низенькихъ комнатахъ, пропитанныхъ вонью жизни, полныхъ невидимыхъ слезъ, горя и нужды?

Развѣ это не первый вопросъ, полный мучительнаго надрыва, вопросъ о безцѣльности и ненужности всей этой мрачной и грозной тюрьмы?

Здѣсь растутъ первые черные цвѣты опьяненія болью, но еще впереди ужасъ ея...

Смертный приговоръ и каторга... Но развѣ не довольно и прежняго? Развѣ можетъ вынести человѣкъ двойную муку, когда одинъ домикъ съ низкими комнатами, исторіей Карамзина и гнетомъ обыденщины, можетъ высосать всѣ силы, всю кровь! И какая же душа отважится принять второй крестъ и не только донести его до конца, но еще найти въ немъ свое спасеніе!?

Изъ одной каторги, каторги жуткой и склизкой—жизни, въ другую—настоящую каторгу, изъ одного ада—въ другой, изъ одной безнадежности—въ другую!..

Не одну тысячу ночей—бессонныхъ, страшныхъ ночей провелъ Достоевскій въ этой другой каторгѣ, и только эти

стѣны, и только эти люди, которыхъ онъ называлъ цвѣтомъ и надеждой Россіи (!), знали и видѣли то, что вынесъ и пережилъ онъ!.. И въ собственной боли, черной, ужасной боли, почувствовалъ мировую боль, и приблизилось безобразное лицо обмана, и открылась тайна! Здѣсь узналъ цѣну этой боли и пріялъ ее, но люди, но міръ, но сѣрость Петербургскихъ дней съ постоянными призраками безумія, но тѣ обиды, тѣ уколы, то зло, что испытала душа,—все это вошло въ кровь и страшнымъ ударомъ грянуло въ мозгъ, и въ кровавомъ пожарѣ ненависти и проклятѣя вспыхнуло подполье!

Сложная его душа любила странныя идеи и замыслы, на созданіе которыхъ уходило столько силъ и таланта. Эти жуткія и злыя идеи сквозятъ всюду—и въ мечтахъ подростка Долгорукова, и въ чахоточномъ бреде Ипполита, и въ сладострастныхъ изгибахъ души Свидригайлова...

Это мечты о проклятій и разрушеніи міра, о мести за свою тоску и за боль свою, о царствѣ единственнаго „я“ и главное, о защитѣ отъ жизни, отъ того ужаснаго, невыносимо палящаго и постыднаго, что—въ ней!

Но гдѣ же возможно это непріятіе и это великое разрушеніе? Гдѣ возможно укрыться отъ людской пошлости, отъ *человѣческаго*, чтобы создать царство сверхъ человѣческаго утвержденія? И куда уйти, чтобы воздвинуть мечту свою такъ, чтобы ея не коснулась грязь человѣческихъ рукъ?

И въ одинъ вечеръ угрюмый, ненастный, когда падалъ мокрый, жуткій снѣгъ и умирала душа,—родилось спасеніе, и въ мутной усталости сумерекъ зачернѣла сладкая и тревожно злая мысль.

Нужно уйти изъ жизни, нужно бѣжать изъ этого ада, насыщеннаго горечью человѣческихъ слезъ и крови, бѣжать туда, въ мрачные подвалы души, манящіе неизвѣданной тайной, и тамъ—въ блаженствѣ одиночества, въ пьяномъ чаду

страдания, разрушать эту жизнь и созидать храм своего царства и своей воли!..

Да, только в этом—спасение, только в этом—идея!

Ибо вот уже разрушается душа от надрыва и подгнивают корни жизни, ибо вот растут жуткие замыслы о возможности всемирного разрушения...

И тогда отверзалась предъ нимъ тяжелая дверь подполья, и хлынул оттуда затхлый мракъ, и гробовое молчание, и черная, манищая, зловѣщая жуть...

И въ 1846 году, задолго до Нитше, началась среди странной музыки петербургскихъ тумановъ та великая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, то великое разрушение и проклятье, жалкія тѣни котораго подбираемъ нынѣ мы и называемъ своими открытиями!..

И какая страсть въ этихъ словахъ, огненныхъ и безумныхъ, и какая дьявольская насмѣшка, и какая властная, разрушающая сила!

Болезная, изломанная душа, душа рыдающая и отчаянно измученная сквозить въ нихъ и опьяняетъ, и заставляетъ любить эти слова, эти „записки“ странную, тревожную любовь, потому что въ нихъ—корни нашего отчаянья, нашихъ терзаний, нашей красоты!

Сѣрые, тусклые люди кропотливо строятъ хрустальные дворцы социальной сытости и социального рабства, и раскинули липкія сѣти своей безличности, хотятъ опутать ими весь этотъ міръ... И какъ груба, какъ дика ихъ наглость, которую всѣ называютъ „спасительной теоріей“!

Но я,—говоритъ Достоевскій,—плюю на вашъ социальный курятникъ, въ которомъ по табличкамъ и штифтикамъ будетъ распределена вса сложность чувствъ и переживаний индивидуальности! Мнѣ ненавистно и противно ваше самоунижение и самоограничиваніе, вашъ хамскій деспотизмъ,

принуждающий меня думать и дѣйствовать, какъ будетъ угодно вамъ, а не мнѣ!

„Свое собственное, вольное и свободное хотѣніе, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшедства,—вотъ это то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходит и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту!“

„И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого то нормального, какого то добродѣтельного хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела!“ („Записки изъ подполья“). Сколько глубины въ этихъ словахъ! И каждое изъ нихъ—цѣлая система, цѣлая философія, цѣлое мировоззрѣніе въ миниатюрѣ. Здѣсь заложены корни той индивидуалистической теоріи, на которой воздвигнуто „декадентство“ свой хрупкій и прозрачный храмъ, и, что важнѣе всего,—здѣсь колыбель философіи Нитше, фактъ, съ которымъ будущіе историки литературы несомнѣнно будутъ считаться.

Итакъ, мое „я“ и моя воля выше всего и цѣннѣе всего. А если такъ,—пусть гаснетъ и разрушается міръ, унижающий и обезличивающий это мое „я“! *А можетъ быть міра больше нѣтъ!* О, радостная, сладко блаженная мысль! Только въ подпольѣ возможно твое величіе и твой глубокой смыслъ! Только оно одно даетъ мнѣ возможность разрушать и строить по своему капризу міры!

И это разрушение люблю не только я, къ счастью, его любить и другіе люди,—вотъ, въ чемъ таится сомнѣніе на

счет прочности социальных курятников, вот, в чем моя радость, которую упиваюсь безмерно и страстно!

„Я несколько не удивлюсь, если вдруг ни с того, ни с сего среди всеобщаго будущего благоразумія возникнуть какойнибудь джентльмен, с неблагоприятной, или, лучше сказать, с ретроградной и насмшливой физиогномией, упреть руки въ бока и скажете намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнутъ ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логариемы отправились къ чорту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить!“ („Записки изъ подполья“).

А что это произойдетъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: „*вѣдь человекъ до страсти любитъ разрушеніе и хаосъ*“ („Зап. изъ подп.“) и всюду вносить его, во всѣ курятники и социальные западни! Онъ „проклятые пустить по свѣту, а такъ какъ проклинать можетъ только одинъ человекъ (это ужъ его привиллегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ проклятемъ достигнетъ своего, то есть дѣйствительно убьдится, что онъ человекъ, а не фортепiанная клавиша. Если вы скажете, что и это все можно рассчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятыя, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго расчета все остановить и расудокъ возьметъ свое,—такъ человекъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобы не имѣть расудка и настоять на своемъ!“ („Зап. изъ подп.“). Этотъ дьявольскій смѣхъ разрушенія все ширится, все больше и больше овладѣваетъ умомъ, и отрава его желанна, и хорошо пить безъ конца этотъ жуткій и мучительный ядъ!

Міръ проклятыя, осмѣянъ, ослеванъ, міра больше нѣтъ... И только одна душа расцвѣла здѣсь болѣзненно странно, но развѣ можетъ, развѣ способна она жить? Развѣ возможна

жизнь и осмысленность послѣ *такого* отчаянья? послѣ *такой* боли?

И зачѣмъ жить? Цѣли въ жизни не видятъ души, потому что всякая цѣль—точка замерзанія, потому что во всякомъ достиженіи цѣли гаснетъ самая жизнь... „Вѣдь человекъ чувствуетъ, что какъ найдешь, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать!“ („Зап. изъ подполья“).

Слѣдовательно, остается только одна каменная стѣна: законы природы, арифметика, категорической императивъ... Но въ томъ то и вся суть подполья, что со всѣмъ этимъ оно не можетъ согласиться, что оно будетъ терзаться мыслью о каменной стѣнѣ, будетъ упиваться своею безнадежностью, будетъ блаженно хихикать и сладострастничать, но съ фактомъ ни за какую цѣну не примирится! „То ли дѣло не примириться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзятъ примиряться, дойти путемъ самыхъ неизбежныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной то стѣнѣ какъ будто чѣмъ то самъ виноватъ, хотя опять таки до ясности очевидно, что вовсе не виноватъ, и вслѣдствіе этого, молча и безслышно, срежеша зубами, замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться тебѣ выходить не на кого, что предмета не находится и никогда не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда—неизвѣстно что и неизвѣстно кто. Но, несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, у васъ вестакъ болитъ, и чѣмъ больше неизвѣстно,—тѣмъ больше болить!“ („Зап. изъ подп.“).

Что же дальше? Какой смыслъ въ этомъ рабскомъ мученіи, гдѣ выходъ изъ этого заколдованнаго круга?

Міръ не отвѣтитъ: міра больше нѣтъ. Но за то отвѣчаетъ подполье, отвѣчаетъ кровью истекающее сердце. Можетъ быть въ этомъ то процессъ мученья, въ этихъ тер-

занявхъ безпачвенности и таится радость, наслажденье, счастье?

„Вѣдь, можетъ быть, человекъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть, онъ ровно настолько же любитъ страданье? Можетъ быть, страданье то ему ровно настолько же выгодно, какъ благоденствіе. А человекъ иногда ужасно любить страданье, до страсти, и это фактъ... Въ хрустальномъ дворцѣ оно и немислимо: страданье есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усомниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человекъ отъ настоящаго страданья, то есть отъ разрушенія никогда не откажется. *Страданье—да вѣдь это единственная причина сознанія!* („Зап. изъ подп.“).

Значитъ, остается любить свою боль и въ этомъ видѣть смыслъ жизни. Вотъ, гдѣ родилось самое странное, самое великое и самое святое въ Достоевскомъ! Вотъ гдѣ, — въ мрачномъ, холодномъ, ужасномъ подпольѣ, возникло очарованіе, тотъ свѣтъ, что роднитъ Достоевскаго съ вѣчностью! Это исходъ трудный, непосильный, тяжкій, *инквизи-торскій исходъ*, но въ немъ вспыхнула послѣдняя искра надежды и безуміе души—сладостное, тихое безуміе раздуетъ искру въ цѣлый пожаръ, залитый кровью и слезами, и въ этомъ огнѣ сгоритъ весь міръ—причина сознанія, и отъ одной мысли, что онъ сгоритъ, нужно привнать его и полюбить!.. Здѣсь—ферментъ будущихъ гениальныхъ твореній, будущей религіи и цѣлой философской системы. Здѣсь возникаетъ мосьть къ христіанству, и въ глубокомъ колодцѣ сознанія уже звѣтитъ тихій аккордъ—алмазно-свѣтлый, прозрачно-чистый—Соня Мармеладова, воплощенная радость муки, скорбящая царица страданья! Да, но все это потомъ, все это въ будущемъ. Теперь же падаетъ частыми хлопьями мокрый, черный снѣгъ, и завываетъ вѣтеръ, и бьется рыдающей грудью въ окна, и скользятъ чьи то угрожающія руки по стек-

ламъ, и стальной зондъ тоски гложетъ замученную душу...

А тамъ, въ мгlistой перспективѣ дней, какъ призракъ безпощадный, нарастаетъ что то огромное, страшное, отъ чего лопаются мозгъ и стынетъ въ жилахъ кровь...

Хочется душить собственное горло мокрыми отъ пота руками, хочется зарыдать такимъ рыданьемъ, отъ котораго бы умерла душа, хочется уничтожить собственное сознаніе, собственную мысль!

А потомъ еще хуже: начинается состояніе, похожее на зубную боль,—тоскливо безысходное, раздражающее нервы, раскаленными булавками терзающее нѣжность забвенья. Хочется кричать, но оборвались всѣ силы, хочется жаловаться кому то, прижаться къ кому то, просить у кого то ласки, но міра больше нѣтъ... Хочется уничтожить, задушить свою душу, которая, какъ разбухшій ракъ, безжалостно и медленно выпиваетъ кровь, но нѣтъ надежды, нѣтъ воли,—все потухло, все осмѣяно, отброшено, забито, замучено...

Прижаться къ холоднымъ стекламъ, глянуть въ влажную муть тоски...

Все похоронено... Тихо... Безмолвно... Грозные призраки жизни кошмарно бродятъ въ мозгу...

Молиться... Кричать... Но вѣдь никто не услышитъ...

Пусть же будетъ боль... Жалко искривлены губы... Тоска... Въ затуманенной дали тяжкими хлопьями падаетъ мокрый снѣгъ...